

тов в экономической, политической и социальной сферах. Грамотное, расчетливое и умелое использование популярных в португальском обществе идей выгодно отличало «академическое» правительство Салазара от правительств других диктаторских режимов. Тем не менее, доктор и диктатор в одном лице, Антониу ди Оливейра Салазар, оставался диктатором на протяжении нескольких десятилетий. С прекращением его правления рухнул и сам режим.

При всех негативных последствиях режима сохранение его разумных черт позволило Португалии достаточно быстро стать современной частью Европы. И в этом состоит главный итог эксперимента особого политического устройства – «кафедрокрапии».

1. Lloyd-Jones S. Corporatism in Spain and Portugal: a comparison // <http://www.cphrc.org.uk/essays/essays/article6.htm>
2. Salazar's speech to military officials on the 4th anniversary of the National Revolution // <http://www.cphrc.org.uk/sources/so-md/salazar-to-military.htm>
3. Lloyd-Jones S. Salazar's Portugal // <http://www.cphrc.org.uk/essays/essays/article2.htm>
4. Salazar A. O. The Fundamental Principles of the Revolution // <http://www.cphrc.org.uk/sources/so-md/fund-1.htm>
5. Salazar's Speech announcing the creation of the Uniao Nacional. // <http://www.cphrc.org.uk/sources/so-md/nine-prerequisites.htm>
6. Pinto A. C. Salazar's Dictatorship and European Fascism. P.181.
7. Community Houses. // <http://www.cphrc.org.uk/sources/so-ns/community-houses.htm>
8. National Labour Statute // <http://www.cphrc.org.uk/sources/so-ns/nls.htm>
9. Pinto A. C. Salazar's Dictatorship and European Fascism. P.165.

Лончинская Л.Я.

Архаические основания массового сознания уральцев в годы Великой Отечественной войны

Одним из факторов, обусловивших успешную идеологическую обработку с одной стороны, и устойчивость массового сознания в экстремальных условиях войны с другой, было наличие в нем элементов архаического мышления.

Модернизация по-советски взяла у западной цивилизации только технологическую сторону, отвергнув либеральные ценности (точнее, лишь продекларировав их). Официальная советская идеология формировала коммунистическое сознание за счет нерефлексируемой массами активизации архаических представлений.

Во время войны в экстремальной обстановке архаическое мышление активизировалось. Оно характеризовалось эмоциональностью, упрощенным, но целостным восприятием мира с бинарным противостоянием добра и зла, господством наглядно-чувственного, а не абстрактного мышления, персонификацией враждебных сил, авторитаризмом, опорой на веру, а не логику.

В советском обществе человек был лишен социальных координат для определения собственного статуса, так как отчужден от власти, а горизонтальные связи намеренно разрушались. Осознание себя как социальной единицы было возможно только путем партиципации – приобщения (отторжения) себя к внешней силе.

Партиципация – принцип мистической сопричастности, приобщения к прошлому организованному опыту. Люди отождествляли себя с «культурными героями», как носителями этого опыта, то есть собственную сущность видели вне себя. Характерный речевой оборот тех лет: «В ответ на выступление Гитлера рабочие треста обязались выполнить годовой план к 1 ноября 1941 г.», – демонстрирует отождествление в массовом сознании своих действий с действиями государства. Любое деяние власти должно было восприниматься населением как исполнение его собственных желаний и требовало ответных благодарных действий: «Известие о назначении т. Сталина наркомом обороны вызвало досрочные выплаты денег по подписке на заем» рапортовали агитаторы, «В ответ на заключение договора мы с еще большей энергией включимся в борьбу за выполнение наших обязательств, взятых на первый приказ Сталина», – говорили ораторы на митингах (1).

Партиципация как принцип пра-логического мышления подразумевала поиск доказательств в эмоциональной сфере или ссылке на авторитет. Колхозники, недовольные политикой хлебозаготовок, возмущались: «Вы нарушаете указ Ленина о том, что прежде надо обеспечить колхозников, засыпать семена, а потом сдавать государству» (2).

Причастность к власти доказывалась через заботу власти о населении, если же заботы не было, то наступало отторжение, представленное в сознании феноменом «вредительства», мешающего экстастическому слиянию с властью, в образе бюрократа, диверсанта и т.д. «Нам нет пощады. Вы там воюете, а над нами местные правители издеваются», «Знай, что приказы, которые издает наша власть, они их тут плохо выполняют», – жаловались в письмах родным эвакуированные (3).

Особенностью архаического мышления является представление о причинах тех или иных явлений в обществе. Массовое сознание склонно эти причины персонифицировать, приписывая вину за происходящее конкретным лицам, этносам или социальным группам.

Эта черта проявилась при попытке населения найти причину неудач Красной Армии, которая считалась советскими людьми непобедимой. И хотя в выступлениях И. Сталина и в прессе приводились доводы о внезапности нападения, об использовании Германией ресурсов оккупированных ею стран и другие объективные соображения, тем не менее часто звучали вопросы об «измене с нашей стороны», «не было ли у нас пятой колонны?», «Были ли факты вредительства на фронте?» (4)

Феномен, сохранившийся с архаических времен – групповая солидарность в результате самоидентификации с образом «мы», воплощающему человеческий мир, противопоставляемому миру иному, не человеческому, включающему в себя природное окружение и иную социальность.

Коллективизм, наиболее ценное советской идеологией качество, подразумевало эмоциональную слитность с обществом. Его значимость нашла отражение в языке тех лет, речь автоматически насыщалась притязательными местоимениями: «*Наши* мужья на фронте на защите *нашей* Родины. Они беспощадно будут громить врага, который вторгся на *нашу* родную землю, а мы будем честно работать на *наших* социалистических полях. Мы не допустим, чтобы *наш* обильный урожай на *наших* полях остался необранным», - говорили на митинге женщины Верхне-Уральского района Челябинской области (5).

Чтобы слиться с коллективом, надо было заслужить, доказать право быть «своим»: «У меня два сына погибло в гражданскую войну». «Я принимал участие в партизанском отряде по разгрому Колчака», - писали в добровольческих заявлениях (6).

Форма существования человеческого общества мыслилась в архаическом ключе как примат общественного над личным. Эта зависимость ценности человека от степени его нужности государству определяла отношение к рабочим предприятий со стороны администрации и являлась одной из причин тяжелых материально-бытовых условий трудящихся многих заводов. На запрос Челябинского ОК ВКП(б) администрации Магнитогорского металлургического комбината о помощи молодым рабочим последовал ответ: «Плохо работающим не стоит оказывать помощь» (7).

Постыдным в советском обществе считалось обнаружить личный интерес. Челябинский ОК ВКП(б) указывая на роль местной печати, отмечал, что «газеты должны поднимать на щит тех, людей, которые борются за общественные и государственные интересы против отсталых, иждивенческих, частнособственнических настроений». Население, обращаясь с просьбами к властям, старалось подбирать «правильные» аргументы: например, верующие, ходатайствующие об открытии церкви, ссылались на то, что «объединение верующих сумеет лучше оказать фронту помощь как материально, так и морально» (8).

Насколько неважным было существование рядового гражданина, настолько значительной была фигура главы государства. К вождю, как олицетворению государства, обращались за справедливостью, так как ее отсутствие в каждом конкретном случае разрушало простую и ясную картину мира. Работник столовой города Верхняя Тавда писал: «Дорогой товарищ Сталин, убедительно прошу разьяснить мне следующий вопрос – у нас в столовой №2, где я работаю поваром, другой повар занимается пьянкой, в суп попала коробка спичек, а свалили на меня. Прошу, т. Сталин, не откажите в просьбе, дайте ответ» (9).

Так проявился простейший механизм трансляции культурных форм – экстраполяция. Древнее представление о вожде переносилось на государство, а о родовой общине на все общество. Бытовали представления о производственном коллективе, партийной ячейке как о семье. Действительные родственные отношения становились формальностью. Летчик В.Плотников, потерявший во время войны родителей, получил от колхозника В. Егошина самолет, построенный на собственные средства. В ответ он заявил: «У меня нет родителей, желаю быть сыном Егошина» (10).

Состояние войны потребовало сплочения общества перед лицом опасности.

Противопоставление образа «своих» с образом врага – компенсаторная функция, консолидирующая «мы» на какую-либо важную задачу. Это особенно важно в условиях кризиса, когда другие способы идентификации неприменимы. Возможно это одна из причин устойчивости и крепости советского тыла.

Во время войны, целенаправленное культивирование ненависти к врагу да-ло свои плоды. В глубоком тылу, люди, узнававшие о событиях на фронте и на оккупированной территории, заявляли: «Не надо их брать в плен, надо вешать их, как они вешают наших. Зимой их надо морозить, летом в реках топить» (11).

Запущенный механизм национальной ненависти нелегко было остановить. В тылу этот процесс породил некоторое обострение националистических настроений в отношении эвакуированных, хотя в целом их принимали дружелюбно.

Архаические элементы обусловили устойчивость общественного сознания, предохранив массы от нервного перенапряжения, подсказывая древние стереотипы поведения в кризисные ситуации: консолидацию общества вокруг лидера на основе ненависти к врагу, приоритет общественного над приватным, жертвенность и героизм. Эти черты были только усилены идеологическим воздействием. Однако у архаического сознания были и негативные стороны: склонность к мифологизации действительности, усиление национализма, мистических настроений, упрочение авторитарной системы. Архаика не была единственной основой социалистического сознания. Война, усилив мифологическую сторону сознания, потребовала, в то же время, рассудочного подхода, переосмысления многих сторон действительности.

1. ЦДООСО. Ф.4. Оп. 36. Д.140. Л.2; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 235. Л. 13.

2. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп.1. Д. 162. Л. 206.

3. Башкирия в годы великой Отечественной войны. Сб. док. и материалов. Уфа, 1995. С. 345, 366.

4. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 241. Л. 56; Оп. 6. Д. 228, Л. 123.

5. Там же. Оп. 4. Д. 240. Л.17.

6. Там же. Д. 235. Л. 74, 76.

7. Блокнот агитатора. 1940. № 16. С. 25.

8. Вылцан М.А. Приказ и проповедь // Отечественная история. 1995. № 3. С. 77.

9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 126. Л. 85.
10. Партийное строительство. 1942. № 20. С. 45.
11. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 228. Л.39.

Маслюженко Д.Н.

Генеалогия кочевых обществ как способ преодоления кризисных ситуаций

В кочевых обществах средневековья одной из главных ценностей всегда выступала принадлежность к определенному роду, его происхождение и знатность. Однако после монгольских завоевательных походов и проведения военно-административных реформ на территории Империи роль кровно-родственных отношений в среде подчиненных народов на некоторое время оказывается значительно снижена. Хотя у самих монголов власть продолжает передаваться по наследству в Золотом Роде Чингизидов при уничтожении знати всех конкурирующих племен.

Однако массовое уничтожение знатных кочевых семейств вызывало внутреннюю неустойчивость образованной в ходе завоевания Империи и не способствовало ее интеграции в единый механизм. В оседлых государствах эта проблема была решена с помощью признания прав местных династий, как на Руси Рюриковичей, на властные полномочия внутри общества. Однако эти властные полномочия носили уже не сеньориальный, а вассальный характер, завися от утверждения ханом в Сарае или Каракоруме.

Отношения с номадами в первой половине XIII в. были гораздо более сложными. Кочевники занимали экологическую нишу, необходимую самим монголам для дальнейшего развития этноса. Война за кочевья приводила к жесткой позиции по отношению к сопротивляющимся, оставшаяся часть которых, спасаясь от уничтожения, была вынуждена бежать в северную лесостепь, приспособившись к новым условиям ведения хозяйствования. В тоже время проведение дальнейших завоеваний требовало включения номадов в состав армии, что вызывало необходимость в определенном уровне взаимодоверия. По всей видимости, одним из способов достижения внутренней интеграции кочевой части империи было введение новой идеологически обусловленной генеалогии, доказывающей божественные права Чингиз-каана на верховную власть. Подобный способ преодоления внутреннего кризиса дезинтеграции был традиционен для кочевых обществ (5, 55), еще с эпохи Тюркского каганата рода Ашина. При это с точки зрения современного исследователя эта генеалогия носит вымышленный, фантастический характер, с точки зрения кочевника монгольской империи она была реальна.

В частности, интересно, что сам Темуджин (будущий Чингиз-хан), по всей видимости, не имел прав на высшую ханскую власть, ибо его отец и дед носили лишь титул бахадура. Е.И. Кычанов, подробно рассмотрев